

© М.А. Андриянина

**СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ПРУЖАНЩИНЫ ПО
МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2019 г.
В ПРУЖАНСКИЙ РАЙОН
БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ БЕЛОРУССИИ***

В статье представлены полевые материалы, собранные в результате недавней экспедиции в западное Полесье (Пружанский район Брестской области) – старозаселенный регион, археологические находки в котором отмечают преемственность культур и соответственно определенное постоянство его населения. Это открывает широкие научные перспективы как для синхронного и диахронного славяноведения, благодаря факту положения этого места на стыке восточно- и западнославянского континуумов, так и для исследований его кросскультурного, религиозного, межэтнического и компаративного аспектов. Вниманию читателя предлагается первая часть исследования, содержащая материалы свадебной и родинной обрядности. Погребально-поминальный комплекс обрядов и мифологических представлений будет представлен в продолжении. Статья содержит описания обрядов, связанные с ними поверья, мифологические представления, практики и народную терминологию

Ключевые слова: Полесье, полевые материалы, свадьба, родинная обрядность, традиционная культура

Брестская область – часть западного Полесья, уникального историко-этнографического региона, расположенного на пограничье восточно- и западнославянского ареалов и являющегося зоной культурных, этнических и религиозных контактов. Действительно, географическое положение Полесья на стыке трех восточнославянских этносов (русские, украинцы, белоруссы) и одного западнославянского (поляки), вкупе с определенной обособленностью его территорий в силу факторов ландшафта (заболоченная лесистая низменность) сделало его своеобразным заповедником, характеризующимся как высокой сохранностью традиционной духовной и материальной культуры, так и широкой представленностью набора ее сюжетов, фрагментов, мотивов, разрозненно существующих в ряде других диалектных областей славянского мира. Особенности уклада жизни населения тоже способствовали сохранению на данной территории многих элементов славянской культуры, давно утраченных в других местах. Это было подтверждено многочисленными экспедициями в Полесье для

Андриянина Мария Александровна – к. филол. н., научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: mary-andr@mail.ru.
Andryunina Maria A. – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS (Moscow, Leninsky Pr., 32A). E-mail: mary-andr@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

комплексного изучения языка, фольклора и всей традиционной культуры региона, которые планомерно проводились с середины XX века под руководством академика Н.И. Толстого (Институт славяноведения РАН). В результате был собран уникальный фонд полевого материала (Полесский...), включающий в себя, в том числе, богатые сведения из Чернобыльского и других районов, подвергшихся разрушительному воздействию крупнейшей в XX веке экологической катастрофы – аварии на Чернобыльской АЭС (1986 г.). Лексикологические исследования доказали архаику и наличие глубоких связей Полесья со многими другими славянскими диалектными зонами: не только с ближайшими белорусскими и украинскими, а также с карпатской, мазовецкой, черниговско-брянской, псковской, новгородской, олонечно-архангельской и далее с южно- и западнославянскими (см.: Толстой 1968; Мартынаў 1971).

Согласно данным археологии, земли западного Полесья (условная граница проходит по рекам Горынь–Припять–Ясельда) признаны одним из старозаселенных регионов: здесь найдены поселения, датируемые примерно 1800-1400 гг. до н.э. (т.н. стщиговская культура). По мнению некоторых исследователей, последующие по хронологии археологические находки, относящиеся к лужицкой и поморской культурам, связаны друг с другом типологически и генетически, что позволяет говорить о преемственности древнейшего населения этих мест (Кухаренко 1965; Кухаренко 1968).

Обоснованные выводы археологов подтверждаются и народной культурой, характер которой К. Мошинский называл «архи-архаическим». Другие исследователи даже считали Полесье возможной прародиной славян (например, М. Фасмер, Г. Гирт, Я. Ростафиньский и др.). Полесские данные во многих случаях оказываются наиболее показательными и полными при реконструкции архаического состояния славянских обрядов, верований и картины мира в целом, что было подтверждено при работе над этнолингвистическим словарем «Славянские древности», написанном на общеславянском материале. Поэтому изучение Полесья в лингвистическом, этнологическом, археологическом, культурном и фольклорном отношении в любом случае ставит вопрос об этногенезе и прародине славян.

Нынешняя экспедиция в Пружанский район была организована Центром исследования белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, сотрудники которого любезно пригласили и автора данной статьи¹. Материал собирался по программе Полесского этнолингвистического атласа по причине ее удобства для последующего картографирования данных; полного обследования традиционной духовной культуры и наблюдения над ее сохранностью и изменениями, размытием и инновациями. Сведения также собирались по индивидуальным программам участников экспедиции, касающихся погребальной и поминальной обрядности, народной Библии и народной медицины.

В исследованном регионе (8 сел Пружанского района) была подтверждена высокая сохранность ряда архаических фрагментов традиции: например, зафиксирован обычай подвешивания жабы над колодцем во время засухи (Клепахи) и литья воды в дыру на могиле висельника (Юндылы) в обрядах вызывания дождя; изготовление «обыденных»² предметов; записаны рассказы о русалках, ведьмах и волколаках;

¹ Автор выражает благодарность Н.П. Антропову, принявшему на себя труд по сверке и редактированию всех приведенных в статье диалектных текстов; а также другим сотрудникам Центра Е.М. Боганевой, Т.В. Володиной и работникам домов культуры Пружанского р-на.

² Предметы и объекты (рушники, кресты и пр.), изготавливаемые сообществом целиком за один день в рамках окказиональной обрядности (мор, засуха, война и др.) для отворачивания бедствия.

уцелели многие части календарной обрядности, например, *Громницы* (Сретенье 2/15.02), поминальная составляющая *Спаса* (Праздник Преображения 6/19.08), *Головосек* (День усекновения главы Иоанна Предтечи 29.08/11.09), *Купала* (07.07), ритуальные бесчинства и мн. др.

Для статьи был избран семейный цикл обрядов, на вопросы по которому респонденты отвечали охотно и полно; в настоящем издании вниманию читателя предлагается полевой материал Пружанщины, касающийся свадебной и родинной обрядности, похоронный же цикл войдет во вторую часть статьи, публикующегося с продолжением. Приведенные диалектные тексты (с переводом на русский язык) представляют собой образец живой речи жителей исследованных нами сел. Она приводится в орфографии, принятой для Полесского архива Института славяноведения РАН, которая была опробована при публикации полесского материал в ряде авторитетных научных изданий (*Толстая* 2005, *Народная* 2010).

Свадебный обряд

Сватовство

1. Я раскажу. Ну, нравицца хлопеч дзівчыне, дружаць, патом бацьке гаварыт: «Буду жаницца». Есьли багатый и ана багатая, то выбиравали так, а бедных ужэ не хацели, а ужэ пасцира́лося. И вот ужэ прысылаець бацько той свагоў, каб той сват умьел разгаварываць, каб ён ў радне яго, а нету, то чужого челавека нанимали. Прыходзе той сват ў хату и гаворыць: «Сват прыслáнный, стоў заслáнный, калбаса спячóна, хата падмяцёна, мы были у вас ў улётку и бачыли вашу кветку, – имья называец, ци Нина, ци Марыя, – каб вы добрыя были сваю кветку за нашего князя аддаць», – як там назавуць ужэ жэниха. И як сагласныя тыя радзицэли, их прыглашаюць к сталу, а сваць той ставиць бутылку, и есьли ани сагласныя, нявеста, ўсе, а нявеста навязывае красную ленту на бутылку, и жаних и нявеста идуць за радзицэлями яго, жэниха, и ужэ прыводзяць радзицэлей <...> и прыводзяць, да сваты гуляюць, и кали на якую пору венчацца, свадзьбу рабиць [РНП] (Юндилы).

2. Як сабираюцца жаницца, то назывались такие «перэпэты», неафіцыйнае сагласаванне маладога, ци ищци сватаць, ци не ищци; пасылалі якую сваху, к нявесце ат жэниха, и хадзила ана циха.

1. Я раскажу. Ну, нравится паренё девушке, дружат, потом он говорит отцу: «Буду жениться». Раньше старались выбирать богатые богатых, а бедных не хотели, а теперь уже это изменилось. И вот уже присылает отец сватов, чтобы тот сват мог вести беседу, чтобы он был родственником, а если нет такого, то чужого человека нанимали. Приходит сват в дом невесты и говорит: «Сват присланный, стол застланный, колбаса приготовлена, дом подметен, мы были у вас летом и видели ваш цветок, – называет имя, Нина или Мария – не отдадите ли ваш цветок за нашего князя», и называет жениха по имени. И если родители невесты согласны, то сватов приглашают к столу, а сват этот ставит на стол бутылку, и если все согласны, то невеста повязывает на бутылку красную ленту, после этого жених и невеста идут за родителями жениха и приводят их, и празднуют, и [договариваются], в какое время венчаться, делать свадьбу [РНП] (Юндилы).

2. Когда собираются жениться, то сначала было неофициальное согласование молодого идти сватаць или не идти, это называли «перэпэты», посылали сваху к невесте от жениха и она договаривалась

А тады ужэ были сваты, сваха, жених, бацькі, ешчэ хто, несли литр водки, каравай – якое було. И ужэ тады невеста кликала там дзеўчат сваих, но это було не много, эта чалавек да дзесяци. А с той хаты, где жыла нявеста, маладзёж ужэ знала, что сваты, нёсли, трасли салому, ци сено ат сваего села, ат нявесты да жениха высцилалы тую дарогу, а як из чужого сяла, то да канца сяла; ўставали рано, знали, што сваты были у когось [РЕА] (Ровбицк).

3. У нас некали салому цягали, крышы былі саламяные, есьли прышли сваты до дзивчыны и па улице салому цягали, каб другие дзевчата хутче замуж шли. Какую бы не нашли, всё равно цягали. <...>А як першую чарку пьюць [во время сватовства] в этой хаце, стаяли пад акном и салому цянули, каб дзевчата замуж шли. На заповины, гэто запива́ли дзевчину ужэ [СЕВ, ГЗП, ПЕА] (Клепачи).

Свадьба

1. Свадзьбу рабили. Зараз ужэ тожэ трошки так начаюць, сагласуюць пост; раньшэ то так не было, в семидзсятые што хто хацеў, то и рабиў, хто нарошно, а хто не знаючы <...>. Была специальная жэншчына, ана гатовила «вэлен», у нас называли, фата для нявесты, сабирала адна жэншчына, сколько я помню, ана адна сабирала той вэлен <...>. Дружки и «чашники» там, хлопцы ат жэниха называлиса «чашники» маладые хлопцы, а дзевчата у невесты были «дружки». <...> А утром ужэ сабиралиса, приязжаў жених са сваей камандаю, там с музыкаю, са сватом, а сваха вешала ему ручник, цэ-

неофициально. А после уже сватались, были сваты, сваха, жених, родители и другие участники, несли литр водки и каравай. Тогда невеста созывала подруг, не много, человек до десяти. А [сельская] молодежь уже знала, что сватаются, и от той хаты, где жила невеста, рассыпали солому или сено по селу, чтобы была выстлана дорога от невесты к жениху, а если жених из другого села, то выстилалы до рогу до границы села. И когда утром вставали [односельчане и видели солому], то сразу понимали, что у кого-то было сватовство [РЕА] (Ровбицк).

3. У нас раньше солому вытягивали из соломенных крыш и если сваты пришли к девушке, то по улице солому разбрасывали, чтобы и другие девушки быстрее выходили замуж. Рассыпать могли любую солому, которую находили. А когда [во время сватовства] пили первую чарку в доме невесты, [то зрители], стоящие под окном, тянули солому, чтобы девушки замуж шли. Это делалось на «заповины» [СЕВ, ГЗП, ПЕА] (Клепачи).

1. Делали свадьбу. Сейчас снова стали избегать постного времени, а раньше, в семидесятые годы, не соблюдали этого, делали как кто хотел, кто специально, а кто по незнанию. Была специальная женщина, она готовила «вэлен» – фату для невесты, сколько я помню, одна пожилая женщина делала эту фату. Свадебные чины от жениха, молодые парни, назывались «чашники», а подружки невесты – «дружки». Утром [в день свадьбы] собирались, приезжал жених со своей командой, с музыкой, со сватом, а сваха вешала на него полотенце, на шапку цепляла красивую «кветку» , давали еще

¹ «Кветка», «квитка», «китка» — ритуальный предмет, представляющий из себя букетик, пучек живых или искусственных цветов, иногда это веточка, большой или маленький цветок, маленький веночек, бант из лент, бумаги, птичье перо и пр., который обычно прикалывали на головной убор или одежде. «Квитка» — отличительный знак участников свадебного и других обрядов семейного цикла, имеющий ритуальное и апотропическое значение (*Гэра* 2011: 297).

пляла да шапки кветку красивую, зробленую такую, давали яшчэ такой ручник, мыли руки, ешчэ завязывали, як багатая невеста, то ана магла и чатыри, и пьязь ручников завьязаць свату. Пазнавали, якая нявеста, дажэ и па ручниках, вышывали, хто харошый ручник вышыя, у каго просто белыя. Прыходзіў жаніх. Пака яго бацька и маці пытали, ці можна зайці ў хату (там спецыяльныя былі слава, сват гаварыў тады ужэ), их вяли за стоў, нявесту выводили, жэніха выводили. Ани там сядали, па чарцэ выпивали, ўставали, паехалі да вянца. А тады з вянца прыязжалі, снова шли ў хату и свадьба там даале прадалжалася адзін дзень.

А ужэ на другий дзень зранку зноў сьват шоў, ему зноў ручник навязывали, и ужэ дзялили каравай у нявесты, пад каравай клали, канешна, грошы, дарыли падарки. Ну и ужэ тады зноў трэба было атходзіць да [дома] жэніха, зноў сват браў, звязываў руки маладым и вадзіў кругом стала с этымі песьнямі, за іконай сьваха шла, калі маці, калі там кросная маці, а тады ужэ вяли нявесту па сяле. На другий дзень пока дараць каравай, прыязжают ад жэніха, называюць «казáки». Первый день у нявесты, у жэніха тожэ сабираюцца трохі госці якіе, но на першый дзень меньше их было. Казáки йетые прыязжаюць, хутка будуць весці нявесту да жэніха, шли чы ехали, ўсе ужэ шли убраныя. Мужчыну адзевали ў нявесту, жэнішчыну ў жэніха, доктор быў там, цыганка, зарэ помню, як ў нас мужчыны былі высокіе-высокіе, худые ишли, адзели белае плацье он такой худый и белыя гольфы да калена, такіе з бельявых прышчэпок серожки попрычэпывали, мы ўмирили [со смеху]... Этые казáки ишли [в дом невесты], то хто што мог украсці на дваре невесты, ўсё забірали, куры там ці што, ужэ знали, крали. Была у нас свадьба ў Сухопале, а нявеста з Андрыянаўкі, и мы сабраліса, кажуць, нявесту прывязуць, паехалі тые казáки па дарозе: «Давай

такое полотенце, мыли руки, полотенце завязывали на нем. Если невеста была богатой, то она могла и четыре, и пять полотенец свату повязать. По этим полотенцам судили о том, какая невеста, так как у некоторых были вышитые полотенца, а у кого-то простые белые. Приходил жених. Пока его отец или мать спрашивали, можно ли пойти в дом (для этого были специальные слова, их говорил сват), их вели за стол, выводили жениха и невесту. Они садились, выпивали по чарке, вставали и ехали к венцу. А когда приезжали из церкви, снова шли в дом и свадьба продолжалась там дальше один день.

А на следующий день с утра снова сват шел и ему снова повязывали полотенце, и уже делили в доме невесты каравай, под него клали, конечно, деньги и дарили подарки. И снова нужно было возвращаться в дом жениха, снова сват брал, связывал молодым руки и водил их вокруг стола с песнями, за иконой шла сваха, иногда мать или крестная, и тогда уже вели невесту по селу. На второй день, пока делили каравай, приезжают представители от жениха, их называют «казаки». Первый день свадьбы отмечали у невесты, у жениха тоже собиралось немного гостей, но в первый день их было меньше. Эти «казаки» приезжают, [и значит] уже скоро поведут невесту к жениху, все шли или ехали, и все уже были нарядные и ряженые. Мужчину переодевали в невесту, женщину в жениха, был там доктор, цыганка, помню, у нас мужчины были высокие и худые, [и на одного] надели белое платье, он худой и у него белые гольфы по колени, из бельевых прищепок серьги прицеплены и мы умирали со смеху... Эти «казаки» шли в дом невесты и старались что-нибудь украсть на ее подворье, все забірали, кур или еще что. Была у нас свадьба в Сухополе, а невеста с Андриановки, мы сабралісь, говорят, невесту привезут, поехали «казаки» по дороге: «Давай пое-

заедзем да Светы, можэ што украдзем». Были я и тры такие жэншчыны и баянист з нами, с баянам заехали, а там [на подворье] такой сабака; мы варота аткрыли и стали спяваць, и схаваўся той сабака ў будку, а мы украли, много чаго пазабирали. Да хаты прыезжае той сват и кажэ: «Дзевчаты, вы были у меня сегодня на двари?» – «Былі, там ўсе пазабирали». – «А гдзе сабака мой?» Я Кажу: «Ў будзе» – «Не паверу, кольки лет жыву, чужый чаловек на двор не ступиў йешчо, а той сабак не вылез з будки».

И ужэ [когда] прывозили нявесту; нявесту бацька и маці ўстрэчали на парозе хлебом соллю, маладых, да венца-то ехали адзельна ў разных машинах, або на конях раней, а назад ужэ шли разам. Ўстрэчали и гуляли <...> кольки здужали. Два дня. Болей не було, но приходили [некоторые опять], мо хто што, гармошку ци скарпэты сгубиў.

Пакуль вэлен адзявали, садзили на дзежку, и тожэ накрывали дзежку кажухом и ужэ ей косу дзяўчата заплятали, цвяты, вэлен адзявали, а як прыходзила да жэниха [невеста], маці прыходзила, быў абычай такой, маці прыходзила, знимала фату и завязывала на голаву хустку, ужэ пацэшылася фатой, ужэ жэнчына.

[Смотрели ли, «честная» невеста или нет?] Не, у нас не глядзели. Ну, сразу як прыходзяць [из церкви], павенчались, и ужэ им слали адзельную комнату, адзельную давали, штоб маладые спали на аўчыне, на кажуху [РЕА] (Ровбицк).

2. Ў пост нельзя рабиць свадзьбу, и рабили свадзьбу, ужэ Троица прыдзе... после Каляд назывался Мясаед, тады разрэшэно, посьле поста, не рабили ў пост. А на Троицу наибольшэ было свадзьбоў, павозками ехали вянчацца, тады не расписывали, раньшэ рэгістрыравали ў цэркви.

И ўот ужэ тады жаних с нявестаю не спяць, пакуль не павянчаюцца, вот

дем к Свете, может, что-нибудь украдем». Была я, еще три женщины и баянист, а на том подворье была собака, которая сразу спряталась в будку, когда мы открыли ворота и начали петь песни, и мы много чего украли. Потом приезжает сват домой и говорит: «Девки, вы были у меня сегодня?» – «Были, все позабирали». – «А где была моя собака?» Я говорю: «В будке» – «Не поверю, сколько живу, чужой человек на двор не ступил еще, а [в этот раз] собака даже из будки не вылезла».

И когда привозили невесту, молодых встречали отец и мать на пороге хлебом и солью; в церковь молодые ехали в разных машинах или раньше на конях, а назад уже шли вместе. Их встречали и праздновали <...> сколько могли. Два дня. Больше не было, но некоторые приходили и после, чтобы найти свои потерянные вещи – гармошку или носки.

Когда невесте одевали фату, ее сажали на накрытую кожухом (тулупом из овчины) хлебную дежу и девчата заплетали ей косу, [украшали] цветами, одевали фату, а когда невеста приходила в дом жениха, то мать жениха по обычаю снимала фату с невесты и повязывала ей на голову платок, что означало, что она уже женщина.

Невинность невесты не проверяли, после венчания молодым выделяли отдельную комнату и стелили постель на кожуху, на овчине [РЕА] (Ровбицк).

2. В пост нельзя справлять свадзьбу и делали свадзьбу после Троицы, после Коляд в Мясаед, тогда разрэшено, после поста, а в пост не делали. Чаше всего свадзьбы справляли на Троицу, ехали на повозках венчаться в церковь, тогда не расписывали, а раньше регистрировали в церкви.

И вот тогда жених с невестой не спят вместе, пока не повенчаются; в день

ужэ яны, прыязжае жаних ужэ на свадзьбу, ў той дзень ужэ вянцаца, и яны робяць, хлопцы, маладзёж браму строяць и бяруць «паваротну» с жениха – выкуп за нявесту ён плаціць; а патом маці [жениха] ужэ благаславит их. Жаних не бачыць нявесту, ўсі садыца за стоў, жаних са сваей дружнай, шафер там старшый, гэтыя свахи ужэ садыца и сваты, и тады выходзіць ужэ нявеста са сваёю дружнаю, и тая дружна вымае платочки на руку, прыдзержываець, и тыя дзяўчата ужэ ўсе чэрэз платочки здароваюцца, и тады ужэ ані сядуць, выпьюць; маладые не пьюць, бо паедуць да вянца, трэба венчацца; тады маці с бацькай благаславіць, абходзяць тры раза сталá ўся ета дружна, и маці с бацькай, становяцца на калени яны [маладые], и іконаю благаславіць, и едуць ужэ венчацца. [Какой іконай благаславілі?] Сваей дамашнею. Зарэ и зараз ў хаце. Паблагаславіць ана [мать] іконай и так перэхрэсціць. И ужэ паедуць вянцаца, ужэ павенчаюцца и тады гуляюць свадзьбу. Дараць, прыказываюць хто як здумаў, дараць маладым, шуцяць, ўсё. И садзіцца маладая; да, выходзіць тады ана с хаты, сыплець жыто. Едут да маладога, сыплюць жыто, кабы аставалася ў хаце жыццё, и яна сыплець, тады канфет не было, не сыпалі канфетамі, а сыпалі жытом, а тада заяжджае туда [к жениху], там апяць брама и фьсе бяруць «паваротну» з их, а тады паднімаюць на скамеечке маладзёж и маладых, и шафяроў, и шафяркоў ўсіх, садзяць на скамеечку и вразе [вместе поднимают]. И тады ужэ ідуць да маладога, садзяцца, выпьюць, пасядзяць за сталом, патом ужэ ідуць ў клуб гуляць, и ў хатах гулялі, и патом ужэ садзяцца другій раз за стоў, и ана [невеста] ужэ дариць радню. Дариць им якіе матэрьялы, каму на рубашку, каму платок; патом сьвякровку адзяляе: ці плацце, и фартухі вышытыя

свадьбы, венчания, парни, молодежь делала «ворота» – «браму» и брали с жениха выкуп за невесту – «поворотну», он ее платил и мать жениха благославляла молодых. Жених не должен [сразу] видеть невесту, все садятся за стол, жених со своей «дружиной», старший шафер, свахи и сваты; а тогда уже выходит невеста со своей «дружиной», и все подружки невесты здороваются через платочки, которые они вынимают. Все садятся за стол и выпивают. Молодые не пьют, так как им еще ехать венчаться, тогда родители благославляют молодых, все обходят три раза вокруг стола, молодые становятся на колени и родители их благославляют своей домашней иконой (той, которая висит в доме). Благословит их мать иконой и так перекрестит, после чего они уже едут в церковь, венчаются и после гуляют свадзьбу. Дарят подарки, говорят, кто как придумал, шутят, все. Выходит молодая из своего дома, когда едет в дом жениха, сыплет жито, чтобы оставалось в доме житье, жизнь. Тогда конфет не было и сыпали зерном, а когда приезжают к жениху, там снова уже сделаны «ворота» и все снова с них берут выкуп – «поворотну». И тогда поднимают на скамеечке молодежь и молодых, и шаферов, и шаферков, всех вместе поднимают. И тогда уже идут в дом жениха, садятся за стол, пьют, сидят за столом, потом идут в клуб гулять и в домах праздновали, и в другой раз садятся за стол, а невеста одаривает родню [жениха]. Дарит им какой-нибудь материал, кому рубашку, кому платок, потом дарит подарок свекрови: или платье и фартуки вышитые повязывали свекрови, и платок, все. А свекровь снимает с невесты фату и завязывает ей платочек, и тогда невеста танцует, и уже все. Еще выпьют и расходятся. Еще вам не сказала. Когда повенчаются, только тогда бывает брачная ночь, а так, как сейчас нельзя было заниматься сексом. [Провер-

падзвязывалі сьвякрові, і хустку, ўсё. А яна [свекровь] тады ей здымае фату і завязывае платочек, завязэ платочек, і я [невеста] там танцюю... і ўсё ужэ. Яшчэ кажуць выпіць, і расходзяца. І яшчэ я вам не сказала. Як павянчаюцца, тады ужэ брачна ночь, а так яны... нельзя было трахацца, як шас. [Проверяли ли девственность?] Пра гэто у нас не чувалі. І раней не было у нас гэтай устано-вы. А і было всеяк, гуляюць, гуляюць і нагуляюць. І не хоча ўзяць [замуж парень], і аставаліся с дзеткамі дзіўчата. І тады ужэ их не хацелі браць [замуж] [РНП] (Юндылы).

3. [Что делали на свадьбе, чтобы иметь детей?] Ну, садзили невесту на кажух, штоб она была багата, ў дастатку, а калі каравай пеклі, ну не то, штобы много дзяцей было, а там такія былі: невеста загадывала, што ана хочет, чтобы первым были чи хлопец, чи дзёўчынка; як упрыгóжвали каравай, хто кладе першую кветку, той павинен адзец мужчынскую шапку на голаву. Коб мальчик радзіўса першый. Вот такée у нас было [БВВ] (Оранчицы).

4. Когда жэняцца, былі свадзьбы, у нас едуць на роспись, вянчацца адной дарогой, а назад едуць другой. Той самой дарогай не ехалі. У нас на Варанілавичы ехалі, а ужэ едзець абратно, на Ружаны ехалі, напрымер; нашы ужэ дзечи жаніліся [СЕВ, ПЕА] (Клепачи).

Посещение родительского дома

Нявеста жыве [в семье мужа], да дома [родительского] не ходзиць, нельзя было, бо йэтае была прычына [плохо живут]. И вот ана ужэ цэлую нядзелю жыве ў мужыка, а ужэ ў васкрасенье едуць ў гosci [к родителям невесты], гэто «с пирогáми» называлася, с пирогáми ані едуць да яе бацькоў і ужэ там гуляюць, і ужэ после гэтаго пьюць туя бутылку, што навязала ана [невеста красную] ленту [на

ряли ли девственность?] Про это у нас не слышали, и манеры такой не было. А бывало по-разному, бывает, что гуляют парень с девушкой и нагуляют, и он не хочет брать замуж беременную, и девушки оставались с детьми. И тогда другие тоже не хотели на них жениться [РНП] (Юндылы).

3. На свадьбе сажали невесту на кажух, чтобы она жила богато, а когда каравай пекли, то невеста загадывала, какого пола ребенка она хочет родить первым: мальчика или девочку. И когда украшали каравай, тот, кто кладет на него первый цветок, должен был надеть на себя мужскую шапку, чтобы первым родился мальчик. Вот такое у нас было [БВВ] (Оранчицы).

4. Когда женятся, к венцу у нас ехали одной дорогой, а обратно другой. Этой самой дорогой не ехали. У нас на Ворониловичи ехали венчаться, а обратно – дорогой на Ружаны, когда, например, наши дети женились [СЕВ, ПЕА] (Клепачи).

Невеста после свадзьбы жывет в семье мужа, до родительского дома нельзя было ходиць, это бы означало, что они плохо живут. И вот она жывет целую неделю у мужа, а уже в воскресенье ехали в гости к родителям невесты, это называлось «с пирогами». С пирогами они едут к родителям и там отмечають, и уже после этого распивають ту самую бутылку, на которую невеста на помолвке привязала

заручинах], и тую бутылку ужэ расьпи-
ваюць. А ён [сват] цэлую сьвадзьбу тую
бутылку носиць ци ў кармане, ци перад
сабой, каб ніхто не ўкраў – як украдзе,
то трэба выкупляць. И на йетых пірагах
пьюць тую бутылку. Разапьюць, и сьвад-
зьбе канец. И ужэ жывуць, здароўе, дзя-
цей нажываюць [РНП] (Юндилы).

красную ленту. А сват должен всю сьвад-
бу эту бутылку носить в кармане или пе-
ред собой и следить, чтобы ее никто не
украл, а если украдут, то ее нужно выку-
пать. И на этих «пирогах» распивали ту
бутылку, выпьют и свадьбе конец. И уже
молодые живут, здоровье, детей нажива-
ют [РНП] (Юндилы).

Родины

Беременность

1. [Что снится к беременности?] Рыба
к прыбыли, на рэбёнка заяц, на рэбёнка,
як бачыш зайца ци паймаеш. Мне сьни-
ца, я забэрэменела, тада ни узи, не было
ничаго, паймала я аднаго зайца, аднаго
большэнькаго, другога меньшэнькаго,
думаю, что гэто точна близнята. Адзин
радзіўса 3.400, а другий 2.700. А кони,
як бачыш, як краснаго каня, бяжыць,
по улице ци што, то кажуць, гэто пажар
можэ быць, а як белаго, гэта на пакойни-
ка, гаварыли [РНП] (Юндилы).

2. Рыба [во сне] гэто, казалі, прыбы-
ли, а ешчо, казалі, як маладая жэнчына,
то к берэменносці – як налавилі рыбы ў
фарту́х [РЕИ] (Ровбицк).

3. [Чего нельзя делать беременной?]
На похараны не нада идци и на клад-
бишчэ не идци, а есьли хто близкий, брат
или сестра, то перад тым, как выносоць
пакойника, ей трэба было выцци самой
первой, не бачыць, як яго несучь. И на
пажар калісь тожэ, казалі, ни ў коём слу-
чае. Нельзя было на пажар [смотреть], и
абычно глядзиш на агонь, и в перваю очэ-
раць рукой [схватишься за себя, за лицо],
и будучь пятна [у ребенка]. [Можно ли
переступить через веревку?] Ни вузла ня-
якого не браць ў руки, не развязваць.
Нельзя, казалі, што берэменным хрэсци-
ць дзецей. [Можно ли отказать беремен-
ной в просьбе?] Мышы, казалі, паяду-
ць. Берэменным нельзя атказываць, а то
мышы сьядяць ўсё [РЕИ] (Ровбицк).

1. Сон о рыбе [предвещает] прибыль,
к ребенку снится заяц, если его видишь
или поймаш. Когда я забеременела, а
тогда не было УЗИ, мне приснилось, что
я поймала двух зайцев: одного поболь-
ше, другого поменьше. И думала, что
это предвещает рождение близнецов. И
точно, один родился 3.400, другой 2.700.
А если во сне видишь, как по улице бе-
жит красный конь, то говорят, что может
быть пожар, а белый конь снится к по-
койнику [РНП] (Юндилы).

2. Видеть во сне рыбу, говорили, к при-
были, а если это сон молодой женщины,
то это к беременности, если она во сне на-
ловила рыбы в фартук [РЕИ] (Ровбицк).

3. Беременной нельзя ходить на похоро-
ны и на кладбище, а если умер близкий род-
ственник, брат или сестра, то при выносе
нужно было выйти из дома самой первой
и не смотреть, как его несут. И на пожар
тоже, говорили, нельзя смотреть; обычно,
когда глядиш на огонь, можеш схватиться
рукой себе за лицо, тогда у ребенка могут
появиться на лице красные пятна. Нельзя
брать в руки никаких узлов и нельзя их
развязывать. Говорили, что беременным
нельзя крестить детей. Беременным нель-
зя отказать в просьбе, иначе мыши что-ни-
будь погрызут [РЕИ] (Ровбицк).

4. [Можно ли беременной идти на похороны?] Берэменным, я знаю, баба запрэшчала. У нас дзед умёр, я берэменная была, баба сказала: «Не падходзь». [Чего еще нельзя беременным?] Нельзя на пажар сматрэць. [Почему?] Патаму, что пятна на лице будуць у рабёнка. Дажэ такое было у нас у аднаго в Аранчыцах, быў пажар, ана [его мать] берэменная была и падашла к вакну и вот так взялася [за лицо], и вот тут были пятна [у ребенка] красные, это точно было. Нельзя к покойникам падхадзиць и глядзець дажэ, я пыгала бабу, с чем гэто сьвязано, баба сказала, бо дзиця будзе такое бледное, як пакойник, ўсю жызьнь будзе белае, бледнае, будуць казаць «пакойник ходзиць». Нельзя было. [Можно ли вязать беременной?] Можно, гэто было можно, кались, не пакупали в магазине. Нельзя клубки матаць, кажуць, клубки матаць нельзя, патаму што заматаецца пупавина, даже за шыу можэт заматацца. Мая мама дажэ вышывала и вязала, и баба, наабарот, казала: «О, будзе дзиця такое рукадзельница, дзевачка будзе такая рукадзельница, вышывает, харашо вяжет». [Можно ли переступать через веревку?] Па-моему нельзя. [Можно ли есть двойные плоды или яйца?] Да, гаварыли, двужэлтёвые яйца, никагда; мама мая, у ей ужэ дзевачка [были]: «Давайце, гэто я сьем. Гэто не можно, потому что двойня будзе». Дзицей было много, насиць цяжэло, и дзеци слабее, адно ано сильнее – рэбёнок, и сматрэць яго легчэ. [Можно ли отказать беременной в просьбе?] Не, нельзя, надо даваць абязацэльно, мая баба казала, ваабшчэ строго было, даже шутка была, берэменной не откажэш, ўсё паядзяць мышы. Атказваць нельзя. Гэто точна [ПТФ, БВВ] (Оранчицы).

4. Бабушка беременным запрэшчала ходиць на похороны (бабушка информатки повитуха). У нас умер дед, а я была беременная, мне бабушка сказала: «Не подходи к нему». Беременным нельзя смотреть на пожар, потому что тогда у ребенка на лице будут пятна. У нас в Оранчицах такое было, беременная женщина увидела в окно пожар и схатилась от страха за свое лицо, и ее ребенок родился с красными пятнами на лице. Нельзя подходить к покойникам и смотреть на них, я спрашивала бабушку, с чем это связано, и она сказала, что родится очень бледное дитя, как покойник, будет бледным всю жизнь и все про него будут говорить «покойник ходит». Нельзя было. Вязать при беременности было можно, не покупали вещи в магазине. Нельзя мотать клубки, иначе заматается пуповина за шею ребенка. Моя мама вышивала и вязала при беременности, и бабушка говорила, что родится девочка-рукодельница, будет хорошо вязать и вышивать. Через веревку переступать, вроде, нельзя. Говорили, что нельзя есть двойные плоды и двухжелтковые яйца. Моя мама, когда у нее уже были дети, говорила: «Давайте я это сьем. Это вам нельзя, потому что двойня будет». Детей было много, а двоих носить тяжело и родятся они более слабыми, чем обычно, и ухаживать за одним легче. Бабушка говорила, что строго запрещено отказывать беременной в просьбе, даже шутка была, беременной не откажешь, все съедят мышы. Отказывать нельзя. Это точно. [ПТФ, БВВ] (Оранчицы).

Роды

Дома [рожали]. [Нужно ли развязывать узлы, открывать окна и двери для облегчения родов?] Да, гаварыли. И я так панимаю, што есьли роды працякали стрэмицэльна и усыпешно, то нихто ничаго не рабиў. А ужэ тады [в случае тяжелых родов] шукали нияких прычын: и узлы развязаывали и двери раскрывались [РЕИ] (Ровбицк).

Поверья о появлении детей

1. [Как говорили детям, откуда они берутся?] У капусце нашли, бусел прынес. Баба гаварыт, пабачь, якую бусел цэбе сястронку прынес [РЕИ] (Ровбицк).

2. Бусеў з капусты прыносиць. В агароде бусел живе, и в капусьце дзиця нашоў и прынёс [ПЕА] (Клепачи).

Крестины

1. Яких кумоў выбиравали, што рабили, як тую кашу, што прыговарывали. Выбиравали маладых и таких, каторыя более прыличные людзи, каторыя маглы атказнасць несци за йетых дзицей, духоўными их настаўнікамі павинны быць; вазили ў церкву, там хрэсцили так, как ёсьць абрад ў церкви. Там ужэ бацькошка рабиў. А дома, як прывозили, хрэсьбины справляли, там што пачытали кумоў, бацькоў, а галоўная была на хрэсьбинах бабка-павитуха. И яё ужэ ушаноўвали на хрэсьбинах вельми. Што рабили... Маладая йешчэ што рабила, и да, бабка-павитуха, як прывезуць с цэркви, павинна была яго праэпануць в сваю распашонку, а вот тую, ў каторай ў цэркву вазили, павинны были палажыць туды, яму пад голаву, каб ён да года лежал на ей, абярог был, адзенне ў яком хрэсцили, ано павинно было ляжаць ў калысце и аберагаць яго ат хвароб, от ўсяких там напацей и ат урокоў, як бы не сглазили яго. А

Рожали дома. [Нужно ли развязывать узлы, открывать окна и двери для облегчения родов?] Да, говорили. И я понимаю, что если роды протекали стремительно и успешно, то никто ничего не делал. А в случае тяжелых родов уже искали причин: и узлы развязаывали и двери открывали [РЕИ] (Ровбицк).

1. [Как говорили детям, откуда они берутся?] В капусце нашли, аист принес. Баба говорит, смотри, какую тебе аист сестренку принес [РЕИ] (Ровбицк).

2. Аист из капусты приносит. В огороде живет аист, в капусте дитя нашел и принес [ПЕА] (Клепачи).

1. Каких кумов выбиравали, что делали, как делали кашу, что приговаривали. Выбиравали в крестных молодых, приличных людей, которые могли нести ответственность за ребенка, быть его духовными наставниками. Возили в церковь, там крестили по церковному обряду. Там его совершал священник. А дома, после церкви, справляли крестины, там чествовали кумов, родителей и главной на крестинах была бабка-повитуха. И ей оказывали особые почести на крестинах. Когда младенца привозили из церкви, бабка-повитуха должна была его переодеть в свою распашонку, а ту, в которой крестили, следовало положить в колыбельку под голову ребенка, чтобы он лежал на ней до года. Одежда, в которой крестили младенца, должна была оберегать его от болезней, от всяких напастей, от порчи и сглаза. А на крестинах сначала чествовали кумов, чтобы они хорошо за-

на хрэсьбинах ушаноўвалі спачатку за кумоў, як бы яны даглядалі, і каб кумы памеж сабой жартавалі, вот такое было, каб дзіця было вясёлае, каб яго паважалі, ані павінны граць в такое, непонятно што – вродзе жартаваць. Вродзе і запрашалася вэсці любоўныя адносіны, гэто было цэрквой забаронена, а на хрэсьбинах павінны былі паказываць такое кум с кумою, як будто бы у них яка-я-то адносина была, паказывалі. Песьні паказывалі: кум да кумы шоў.

Ну, далей ужэ пра бабку, галоўная была бабка. Павінна была тожэ выпіць за кума, там ей саладзілі, патом мама яе одарывала падарункамі, і после таго, как мама ея одарыць (што ана дасць абычна: ці на хустку, ці на кофту, ці што), эта бабка павінна была танец танцаваць, і не проста на зямле танцаваць, а на табурэтце на якой, со всим, чэм ана адэрэна, залазіць на гэту [табуретку] – і танцаваць. А после гэтаго яё ужэ вязлі да хаты.

Забылася, каша абавязкова была в нашей мясцовасці, кашу дзялілі перэд тым, як бабку дарылі. Кашу дзялілі як: как бабка гаварыла, колькі каштуе каша, дарагая, с чаго ана, просо дарагое, гаршок жэ били [с кашей], і всё там на шчасцье, упрыгожывалі. І ана гаварыла, колькі каштуе, і калі хвацьць грошы, то бярыце кашу. І павінны былі кумы дарыць, і хто большэ падаруць, той і дзелиць кашу. І часам бывало, што кума хочэ пасьмяцца над кумом, і вон положиць там сто рублей, а ана сто пяцьдзсят, і ужэ смяюцца: «Как не стыдно, коб баба дзялила кашу», – і он павінен ужэ йешче грошы шукаць. «Я не дапушчу да этаго, коб баба дзелила», – і ён павінен даваць [дзениг], шоб ён дзялил. І калі ён падзелиць кашу йетаю, кажэць, што ужэ после кумоў, калі кумы падзялілі, ужэ ніхто не маець права дзяліць – ту, што кумы павінны дзяліць. Кум дзелиць і дае: падходзяць ўсе, даюць грошы, пры-

ботілісь о ребенке и чтобы они между собой «шутили», вот такое было, чтобы ребенок был веселым и чтобы его уважали, они должны были играть в такое, непонятно что – вроде как шутка. Вроде как и запрещалось церковью иметь любовные отношения, а на крестинах должны были показывать кум с кумою, будто бы у них были какие-то близкие отношения, связь. В сюжетах песен тоже есть: кум до кумы шел.

Ну, дальше про повитуху, главная была повитуха. Она должна была выпить за кума, ей подслащивали, потом мать ее одаривала подарками (материал или на платок, или на кофту или что-то другое) и повитуха должна была танец танцевать, и не просто на земле, а на какой-нибудь табуретке вместе со всем, что ей подарили; она влезала на табуретку и танцевала. А потом ее везли домой.

Забыла, обязательно была в нашей местности каша, ее делили на крестинах до того, как дарили подарки повитухе. Кашу делили так: бабка говорила, сколько стоит каша, что она дорогая; просо, из которого она приготовлена, дорогое, горшок украшен, его же разбивали на счастье. И бабка говорила, сколько стоит каша, и если хватит денег, то тогда берите кашу. И должны были крестные давать деньги и тот, кто больше даст, будет делить эту кашу. И случалось, что кума хочет пошутить над кумом, и положит он там сто рублей, а она – сто пятьдесят и все смеются: «Как не стыдно, что баба будет делить кашу», – и кум должен был еще денег искать. «Я не допущу того, чтобы женщина делила», – и он должен добавить денег, чтобы делить ее самому. И когда он поделит эту кашу; когда кумы поделили, уже никто не имеет права делить, так как должны ее делить крестные родители. Кум делит и дает, к нему все подходят, дают деньги и приговаривают:

гаворываюць: «даю даляры, коб праўнучак жыў ў парэ»; «дару лисичку, каб у яго была сястрычка, каб наро́дзили сястрычку»; йешчэ «кладу капейки, кабы яго любілі дзеўки»; «на мыло и на пялёнкі, кладу ўсе грошы, ўсю пенсію, каторую зарабіла, капіла на пялёнкі и на мыло»; таксама «звяза́ла шапку, каб паважаў бабку (катора прыняла)», вот такія. «Кладу руб, каб рос як дуб»; «кладу медзь, як быў як медзвездзь»; «кладу злато, каб яго жытце было багата». Вот прыгаворываюць, каша ужэ кончылася, кажуць ужэ: «Няма кашы – няма пашы». Йешчэ калі ёсць суседзі и родственикі, а часом бываець, што где-то за вакном [стоялі], калісьці прыходзілі на вяселле, и пад вокнамі за парогам [стоят], крычаць [хозяева]: «Ну, саседзі, хто йешчэ хочэць падарыць, давайце, кладзіце на шчасце, на долю нашаму [ребёнку]». Ну, хто прыходзіць, хто не прыходзіць. Ну, после таго кум, ужэ калі гаршок пустый, значіць, яго нада разбіць на шчасце, и разбівае ўсё на шчасце кала парога. Хто гаварил: «Бий аб парог», – а хто возле парога [стоял, то] разбивал гэты. И есьлі там много гасьцей, то гэтыя чэрапки, каторыя... Вот, у каго мало дзецей и [у] каго зувсім няма дзецей, то гэты чэрапки трэба хватаць – и наробиш дзіцей. Есьлі хочэш двое – бяры тры чэрапки, есьлі хочэш трое – чатырэ.

Йешчо бабку павязлі, бабку падарылі, и ана патанцавала. И калі ана танцавала – гэто посьле кашы танцуе яна, – падарылі, ана лезе на табурэтку, танцуе танец, [и ей говорят]: «Ну, мы цябе павязем». – «Ну, атвязіце мяня да хаты, бо я ужэ не сдужу сядзець». [На чем везлі?] На баранэ, украшалі перьямі [бабку], тады ужэ хустка завязана, канцы назад заложэны, наверх, и за йету хустку клалі перья, заложэны наверх кругом перья, для чаго: павязем па сяле, хай буслы гняздо бачаць и прылётают в нашу вёску

«даю доллары, чтобы правнучек жил в паре», «дарю лисичку, чтобы у него была сестричка, чтобы родили сестричку», еще «кладу копейки, чтобы его любили девки», «на мыло и на пеленки кладу все деньги, всю пенсию которую заработала, копила на пеленки и на мыло», также «связала шапку, чтобы он уважал бабку (повитуху)», вот такие приговоры. «Кладу рубль, чтобы рос как дуб», «кладу медь, чтобы был как медведь», «кладу злато, чтобы его жизнь была богата». Вот приговаривают и уже каша кончилась, тогда говорят: «Нет каши, нет пашни». А еще, если есть соседи и родственники, бывает, что и под окнами и за порогом люди стоят, как на свадьбе, хозяева им кричат: «Ну, кто еще хочет подарить, давайте, кладите да долю, на счастье нашему ребенку» Ну, кто приходит, а кто нет. Ну, после этого, когда горшок уже пустой, кум, как полагается, разбивает его на счастье возле порога. Кто говорит: «Бей об порог», – и кто стоял возле порога, разбивал тот горшок. И гости разбирали эти черепки, чтобы иметь самим детей. Те, у кого мало детей и у кого совсем нет детей, хватали эти черепки – и будут дети. Если хочешь двоих детей – бери три черепка, если трех, то четыре.

Еще бабку везли домой, ей подарили подарки, она потанцевала. И когда она танцует, это после каши она танцует, ей подарили подарки, она лезет на табуретку, танцует танец и ей говорят: «Ну, мы тебя отвезем». – «Ну, отвезите меня домой, я уже не могу сидеть». Везли ее на бороне, бабку украшали перьями, которые закладывали за края платка, повязанной концами назад у нее на голове. За этот платок кругом затыкали перья; это делали для того, чтобы когда бабку повяжут по селу, аисты видели гнездо и чаще при-

и прыносяць дзецей, часцей дзяцей. И мы яе пасадзим на барану, у кожной сямы была барана, и павязли, каб вялика была [борона], каб в баране зубоў много: сколько зубеў, столько и дзяцей коб было. Это бабку павязли, бабка наливает чарку и йешче спяваем песни: «Запражыце, залажыце вы дванаццаць парасят, / атвязём мы нашу бабку, нашу бабку каля хат. / Ёсем суседзям наша бабка будзе чарки наливаць, / каб здоровым быў унучак, трэба полну выпиваць». Много песен было пра гэци хрэсьбины. И ана ужэ йедзе, не зразу да хаты, а вот так па улице правязуць, па суседзям, суседзи тожэ павинны кідаць капейки, и ана им [наливает]. Щас капейки кідаюць, а тады – то шапку, то што-то сваё, [потому что] грошы не було. Знали, што будуць хрэсьбины, прыгатовяць какую-то распашонку, ци што-то, и кидали, и ана наливала [выпивку]. Гэто не тые, каторые дружыли [с ней], каторые жэлали ей добра, это ж выпивали не коб выпить, а коб паказаць, што адносяцца зычліво. Ну и последнее пели: «Запражыце, залажыце вы дванаццаць пятахоў, / атвязём мы нашу бабку, мы бабулечку дамоў». И вязли да хаты. Бабку завязли, а тут кумь гуляюць йешчэ целую ноч, магли и да вечара – кольки хто хацеў.

[А в течение года когда чествовали бабку?] Ну, канешно, хрэстники завсегда; асабливо на Вяликдзень ана павинна была кожному крэстнику яйцо даць. И шли ужэ да яе [крестники] за яйцами. Каждый раз ёсё ўремя. [Украшали ли горшок с кашей?] Красиво цвётами, коб харошый быў гаршок [в основном БВВ, иногда ПТФ] (Оранчицы).

2. Была каша, баба каждому давала на тарэлочку, и ужэ госьци плацили той бабе для наварожденаго; кашу дзялили, баба, каторая купала дзиця [первый раз] и называецца баба; и дзиця [так] хрэсцили. Спаць тожэ на нада было мацеры, па-

летали в село и чаще приносили детей. И мы сажали бабку на борону, у каждой семьи была борона; смотрели, чтобы она была большой и зубьев в ней было много, сколько зубьев, чтобы столько и детей было. Бабку повезли, она наливает чарку и еще поем песни: «Запрягите, заложите вы двенадцать поросят / отвезем мы нашу бабку нашу бабку возле хат. / Всем соседям наша бабка будет чарки наливать / чтоб здоровым был внучек, надо полну выпивать». Много было песен про эти крестины. И бабка едет не сразу домой, а ее провозят по всей улице, по соседям, а соседи должны были кидать деньги и она им наливает выпивку. Сейчас деньги кидают, а раньше – то шапку, то еще что-нибудь, потому что денег не было. Все знали, что будут крестины и что-нибудь готовили, какую-нибудь распашонку или еще что и это кидали, а бабка наливала им выпивку. Это не те, кто с ней дружил, желал ей добра, это ж выпивали не для того, чтобы просто выпить, а чтобы показать, что они относятся доброжелательно. Ну и в последнюю очередь пели: «Запрягите, заложите вы двенадцать петухов / отвезем мы нашу бабку мы бабулечку домой». И везли ее до дома. Повитуху отвезли, а кумовья еще празднуют целую ночь, могли и до вечера, сколько кто хотел.

[А в течение года когда чествовали бабку?] Крестники всегда, а особенно на Пасху, когда она должна была всем крестникам подарить по яйцу. И крестники шли к ней за яйцами. Каждый раз, все время. [Украшали ли горшок с кашей?] Красиво украшали цветами, чтобы красивый был горшок [в основном БВВ, иногда ПТФ] (Оранчицы).

2. Была каша на крестинах, бабка давала ее каждому на тарелочку и гости платили этой бабке за новорожденного. На крестинах делила кашу та баба, которая в первый раз купала ребенка. Матери нельзя было спать с мужем, пока ребенка

куль не перахрысцяць дзиця, с мужыком, а пахрысцяць дзиця, ужэ можно. [Когда можно ходить в церковь после родов?] Ў цэрковь можна хадзиць ужэ тады, вот ужэ ана рódзиць, будзе чыста, тады ана ужэ берэ дзиця и идзе ў цэркоў з дзэцем, и баццюшка яе уводзиць: бярэ, есьли мальчик, нясе за царские вара́та, а есьли дзевачка, то перад вара́тамі. «Уводзицца мальчык» эта называецца [РНП] (Юндилы).

3. У нас украшала ветку на хрысцинах. Як были хрэсьбыны, и ужэ бабка тая, што прымала, павитуха, прыносила кашу и тады ужэ, сколько там гасьцей было, и начинали дзялиць кашу. От ў тую кашу ставили галину такую и ўкрашала яе там цвятамі. И [потом] тожэ рэзали тое «дзераво», тожэ «купляли стоймацерыял» называли. Вот несугроши: «Мне на вакно», [и] адрэзваюць тую галинку, дае [бабка] и кусок кашы. Зараз салфетки, а тады ж не было, ў руку даў ложкаю. Той идзе ужэ блиский родственник, грошы нясе: «Ну, мне на хату трэба», – ему большэ галину атрэзвали, и снова кусок кашы. Вот гэто я помню. <...>

[Возили ли бабу?] Ой, вазили, зараз раскажу. Вазили, сматрэли, якая была пагода. Як была зима, каня не запрагали ў сани, запрагали здороваго, добраго дзядька, ну можэ и два, и садзили на сани бабу с добраю торбаю, и не с хрэсьбин [угощение], а сваё [она] прыносила, и вязли па сяле и сколько сдужали, угашчали ўсех, хто быў на дарозе. А йсьле ета была пара года другая, летам на возе магли вязци, а йшчэ на тачку садзили. [А на бороне возили?] На баранэ не вазили, не заслужыла наша баба на баранэ [смеется] [РЕИ] (Ровбицк).

4. Проста баба нясла, канфетами украшала тую кашу. Лажыли, хто сколько мог, столько и лажыли [денег] [СЕВ, ПЕА] (Клепачи).

не окрестят, а после уже можно. [Когда можно ходить в церковь после родов?] В церковь можно ходить тогда, когда она родит, будет чистой, тогда она берет дитя и идет с ним в церковь, и батюшка «уводит». Если мальчик, он его берет и несет за царские врата, а если девочка, то перед воротами. Это называлось «уводится мальчик» [РНП] (Юндилы).

3. У нас украшала ветку на крестинах. Когда были крестины, то бабка-повитуха приносила кашу и ее начинали делить на всех гостей. В горшок с этой кашей ставили украшенную цветами ветку. И это «дерево» резали, называлось это «покупать стройматериал». Вот я несугроши, говорю: «Мне на окно», отрезают от ветки и бабка дает кусок кашы. Сейчас дают в салфетку, а раньше их не было и кашу давали прямо в руку ложкаю. Идет близкий родственник, несет деньги: «Ну, мне на дом нужно», – ему больший кусок от ветки отрезают и снова кусок кашы. Вот это я помню.

[Возили ли бабу?] Возили, сейчас раскажу. Возили в зависимости от того, какая была погода. Если была зима, то в сани не запрягали коня, а запрягали здорового мужика или двух и сажали на сани бабку с большой сумкою, и это угощение было не с крестин, а она сама его приносила. И везли бабку по селу сколько смогли [провезти], и угашали всех встречных. А в другое время года, летом могли везти на телеге, а еще сажали на тачку. [А на бороне возили?] На бороне не возили, не заслужила наша баба на бороне [смеется] [РЕИ] (Ровбицк).

4. Просто кашу приносила повитуха, ее украшала конфетами. Кто сколько мог, столько и клал денег [СЕВ, ПЕА] (Клепачи).

Первые годы жизни

1. [Когда ребенка можно показывать посторонним?] Гаварыли, да шасци нядзель не паказывали никаму тое дзиця, ну, да сарака дней карочэ, сказываецца, и да года яму не паказывали зеркала. [Почему?] Можэ, баялись зглазу, таго нэдобраго духа. И пры пакойнике завешывали ўсе сцэкла, ўси зеркала. [Не говорили, что там черт?] Гаварыли. У нас тры сястры и брат, и раньшэ маць часта гаварыла: «Што ты стаишь перад зеркалом, зараз чорта ўбачыш» [РЕИ] (Ровбицк).

2. [Когда впервые стригли ребенка?] Да года ваабшчэ не стрыгли. Баба мая казала, дажэ и валасинки не састрагали, после года можна, а да года пачэму-та няльзя. Ана прыказывала: «Глядзи, да года не стрыги, дажэ чолку не абрэзай. Няльзя» [БВВ] (Оранчицы).

Терминология

1. [Как называли ребенка, родившегося до срока?] Неданошаны. Дразнили яго. Но не ўсе выжывали. Слабейшыя умирала, сильнейшыя выжывали, Бог даў, Бог взяў. [А если родился в рубашке?] Да, бывало. Наабарот, харашо, казалі «ў рубашцэ», «ў сарочцэ», «шчасьливчык». [Что с ней делали после?] Можэ и закапывали, як место. [Как назывался последний ребенок в семье?] Паскробыш. Выскрэбок. [Он чем-то особенный?] Он можэ быць самым умным, самым разумным, самым харашым, выскрэбки ўсе такія, баба мая казала. [Могут ли они лечить?] Да, ани лечуць, каким-то одарён талантом. [Как говорили о девушке, родившей вне брака?] Нагуляла, в падоле прынесла, а рэбёнок «байструк», и да смерци так называюць [ПТФ, БВВ] (Оранчицы).

2. [Как называлась незамужняя?] Стара дзева. [А бездетная замужняя?] Бездэтуха. Баба казала: «О, бездэтуха пашла. Пустая». – «Баба, чого пустая?» – «Дзя-

1. Говорили, что до шести недель нельзя никому показывать ребенка, ну, до сорока дней, короче; и до года ему нельзя показывать зеркало. [Почему?] Может, боялись сглаза, этого недоброго духа. И при покойнике завешивали все стекла и все зеркала. [Не говорили, что там черт?] Говорили. У нас три сестры и брат, и раньше мать часто говорила: «Что ты стоишь перед зеркалом, сейчас черта увидишь» [РЕИ] (Ровбицк).

2. [Когда впервые стригли ребенка?] До года вообще не стригли. Бабушка моя говорила, что даже единой волосинки не состригали, после года можно, а до года почему-то нельзя. Она предостерегала: «Смотри, до года не стриги, дажэ челку не обрежай. Нельзя» [БВВ] (Оранчицы).

1. [Как называли ребенка, родившегося до срока?] Недоношенный. Его дразнили. Но не все дети выжывали. Слабейшие умирала, сильнейшие выживали, Бог дал, Бог взял. [А если родился в рубашке?] Да, бывало. Наоборот, харашо, говорили «в рубашке», «в сорочке», «шчасьливчык». [Что с ней делали после?] Может, закапывали, как плаценту. [Как назывался последний ребенок в семье?] Поскробыш. Выскрэбок. Он может быть самым умным, разумным, харашим, выскрэбки все такія, бабушка мая говорила. [Могут ли они лечить?] Да, они лечат, каким-то одарены талантом. [Как говорили о девушке, родившей вне брака?] Нагуляла, в падоле прынесла, а ребенка до самой смерти называли «байструк» [ПТФ, БВВ] (Оранчицы).

2. [Как называлась незамужняя?] Старая дева. [А бездетная замужняя?] Бездэтуха. Баба говорила: «О, бездэтуха пошла. Пустая» – «Баба, почему пустая?» – «Де-

цей няма, Бог дзяцей не даў». У нас як-то называлі, абзывалі, і бездетуху абзывалі і мнагадзетных; казалі, блудливая, чи кошка, чи краліца. І так плоха, абзываюць, і так плоха; народ такі быў. [Как говорили о родившей до брака?] В падоле прынесла. На гэтаго рэбёнка называлі «байструк». «Глядзі, коб ў падоле не прынесла», – маці дзецям, як поздно гуляюць. Я дажэ спрашывала: «Што, дзяцей ў плацце нясуць, ці ў падоле?». Ужэ нагуляла [ПТФ, БВВ] (Оранчицы).

тей нет, Бог детей не дал». [Как говорили о женщине, у которой много детей?] У нас как-то называли, обзывали и бездетуху, и многодетных, говорили, блудливая кошка или крольчиха. И так и так плохо, обзывают, такой был народ. [Как говорили о родившей до брака?] В подоле принесла. Этого ребенка называли «байструк». «Смотри, чтобы в подоле не принесла», – говорили матери детям, если они гуляют допоздна. Я даже спрашивала: «Что, детей в платье несут или в подоле?» Уже нагуляла [ПТФ, БВВ] (Оранчицы).

Собранные экспедицией данные отнюдь не исчерпываются приведенным здесь полевым материалом, однако его состав и пропорциональное отношение друг к другу разных разделов в целом отражают общее состояние традиции в исследованном регионе. Так, свадебный обряд представляется богатым, разработанным и диалектно разнящимся от села к селу. В родинном обряде заметна редукция части ритуальных действий и мифологических представлений, относящихся собственно к самим родам и состоянию женщины и ребенка непосредственно после них, что очевидным образом объясняется развитием медицины и исчезновением практики вынашивания и домашних родов под присмотром повитухи (процесс, аналогичный тому, что мы наблюдаем в сфере обрядов и поверий, связанных с прядением и ткачеством – наблюдается почти полная утрата всего комплекса, посвященного этому ремеслу).

Пружанский район всегда был местом смешанного проживания славянского и еврейского населения, что отражается не в последнюю очередь в культурных заимствованиях. Ранее уже отмечалось влияние славянских обычаев на еврейский свадебный обряд, например, в некоторых районах Белоруссии на еврейской свадьбе расплетали волосы невесте, сидящей на квашне или деже, что определяется рядом исследователей как славянское заимствование (Евреи 2018: 287, Венгерова 2003: 204). В нашем материале, возможно, присутствует противоположное явление: заимствование из еврейской свадебной обрядности практики поднимать жениха и невесту на стульях: в приведенном примере из Юндил на скамейках поднимают молодых и шаферов.

В Ровбицке удалось записать от Е.И. Романовской редкий пример обряда деления каши между родственниками на крестинах (см. выше *купляць стройматэрыял*), в котором прослеживается отчетливый изоморфизм семьи, дома и дерева, а также связь родинной и строительной обрядности. Действительно, такие на первый взгляд не смежные в культуре темы могут быть объединены общим мифологическим значением передела доли всего дома-семьи с появлением в ней нового члена (раздел между родственниками каши и украшенного деревца-ветки, символизирующего дом; обмен их на деньги для новорожденного). Такой обряд имеет точное семантическое отражение в похоронах, где одним из важнейших моментов тоже является раздел семейной «доли» с покойным, чтобы принадлежавшая умершему часть (часто весьма ощутимая в случае смерти хозяина дома) вновь перераспределилась между живыми членами семьи и «спор» в хозяйстве не ушел бы в мир мертвых.

Обращает на себя внимание хорошая сохранность терминологии, относящейся к семейному циклу, например: *каравайницы* ‘женщины, изготавливающие коровай’, *запитки, заручины* ‘сватовство’; *сванечко* ‘свадебная песня’ [ЯЛМ] (Смоляницы); *краліца* ‘многолетняя женщина’, *бездетуха, пустая* ‘бездетная’; *дол, доло* ‘могила’, *труна* ‘гроб’, *будзиць* ‘навещать могилу на второй день после похорон’, *прыкладаць* ‘застилать гроб скатертью’, *мёртвый прыяет* ‘покровительствует живым’ и пр¹.

Список населенных пунктов и информантов

Клепачи

СЕВ – Семко Евгения Васильевна 1939 г.р., местная, православная.

ПЕА – Петроневиц Евгения Антоновна 1939 г., р., местная, православная.

ГЗП – Гришкевич Зинаида Петровна 1951 г.р., местная, православная.

Оранчицы

БВВ – Баргынева Валентина Владимировна, 1955 г.р., местная, православная.

ПТФ – Пушко Татьяна Филлиповна, 1935 г.р., род. д. Жогалы Пружанского р-на, окончила педучилище.

Ровбицк

РЕА – Романовская Елена Ивановна, 1950 г.р., местная, православная.

Смоляницы

ЯЛМ – Яроцкая Людмила Михайловна, 1961 г.р., местная, работник дома культуры.

Юндилы

РНП – Ракуть Нина Петровна, 1940 г.р., местная, православная.

Собиратели: Андрюнина М.А., Антропов Н.П., Боганева Е.М., Володина Т.В.

Источники и материалы

Полесский – Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, рукопись, Москва.

Научная литература

Толстой Н.И. О лингвистическом изучении Полесья (предисловие редактора) // Полесье. Лингвистика. Археология. Топонимика / отв. ред. В.В. Мартынов, Н.И. Толстой. М.: «Наука», 1968. С. 5–17.

Мартынаў В.У. Уводзіны // Лексіка Палесся ў прасторы і часе / рэд. В.У. Мартынаў. Мінск, 1971. С. 3–35.

Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1965.

Кухаренко Ю.В. Полесье и его место в процессе этногенеза славян (по материалам археологических исследований) // Полесье. Лингвистика. Археология. Топонимика / отв. ред. В.В. Мартынов, Н.И. Толстой. М.: «Наука», 1968. С. 18–46.

¹ Публикуется с продолжением.

- Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005.
- Винорадова Л.Н., Левкиевская Е.Е. (сост.) Народная демонология Полесья. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 1.
- Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: «Индрик», 2011.
- Емельяненко Т.Г., Носенко-Штейн Е.Э. (отв. ред.) Евреи // Народы и культуры / отв. ред. серии В.А. Тишков. М.: «Наука», 2018.
- Венгерова П. Воспоминания бабушки: очерки культурной истории евреев в XIX в. М.; Иерусалим: «Гешарим/Мосты культуры», 2003.

References

- Tolstoj, N.I. 1968. O lingvisticheskom izuchenii Poles'ya (predislovie redaktora) [On the linguistic study of Polesie (editor's note)]. In *Poles'e. Lingvistika. Arheologiya. Toponimika* [Polesie. Linguistics. Archeology. Toponymy], edited by V.V. Martynov, N.I. Tolstoj, 5–17. Moscow: «Nauka».
- Martynov, V.U. 1971. Uvodziny [Foreword]. In *Leksika Palessya ŷ prastory i chase* [Polesye Lexics in Space and Time], edited by V.U. Martynaŷ, 3–35. Minsk.
- Kuharenko, Yu.V. 1965. Pamyatniki zheleznogo veka na territorii Poles'ya [Iron Age Artefacts from Polesye Territory].
- Kuharenko, Yu.V. 1968. Poles'e i ego mesto v processe etnogeneza slavyan (po materialam arheologicheskikh issledovanij) [The Place of Polesye in Process of Slavic Ethnogenesis]. In *Poles'e. Lingvistika. Arheologiya. Toponimika* [Polesie. Linguistics. Archeology. Toponymy], edited by V.V. Martynov, N.I. Tolstoj, 18–46. Moscow: «Nauka».
- Tolstaya, S.M. 2005. *Polesskij narodnyj kalendar'* [Polesye Folk Calendar]. Moscow: Indrik.
- Vinoradova L.N., Levkievskaya E.E. (eds.). 2010. *Narodnaya demonologiya Poles'ya* Vol. 1. [Polesye Folk Demonology. Vol. 1]. Moscow.
- Gura, A.V. 2011. *Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: semantika i simvolika* [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow: «Indrik».
- Emel'yanenko T.G., and E.E. Nosenko-Shtejn (eds.) 2018. *Evrei* [The Jews]. In *Narody i kul'tury* [Nations and Cultures], edited by V.A. Tishkov. Moscow: «Nauka».
- Vengerova, P. 2003. *Vospominaniya babushki: ocherki kul'turnoj istorii evreev v XIX veke* [Granny's Memories: Sketches of Jewish Cultural History in XIX century]. Moscow; Jerusalem: «Gesharim/Mosty kul'tury».

Andrunina, Maria A. Family Rites of Pruzhany Polesye Based on 2019 Field Data From Pruzhany District of Brest Region of Belorussia

The article presents folk narratives collected during recent field research in western Polesye (Brest province). This area is considered one of the most promising regions for cultural studies, as it has been populated since the Neolithic and according to archeological findings, there is a significant cultural continuity between ancient and modern population. This territory is also situated exactly at the “crossroads” between eastern and western Slavic areas which provides ample opportunities for cross-cultural, -religious and -tradition explorations. The article presents the first part of work containing descriptions of wedding and childbirth rites, along with the concerning beliefs, practices and folk terminology

Key words: Polesye, field data, wedding, childbirth, traditional culture